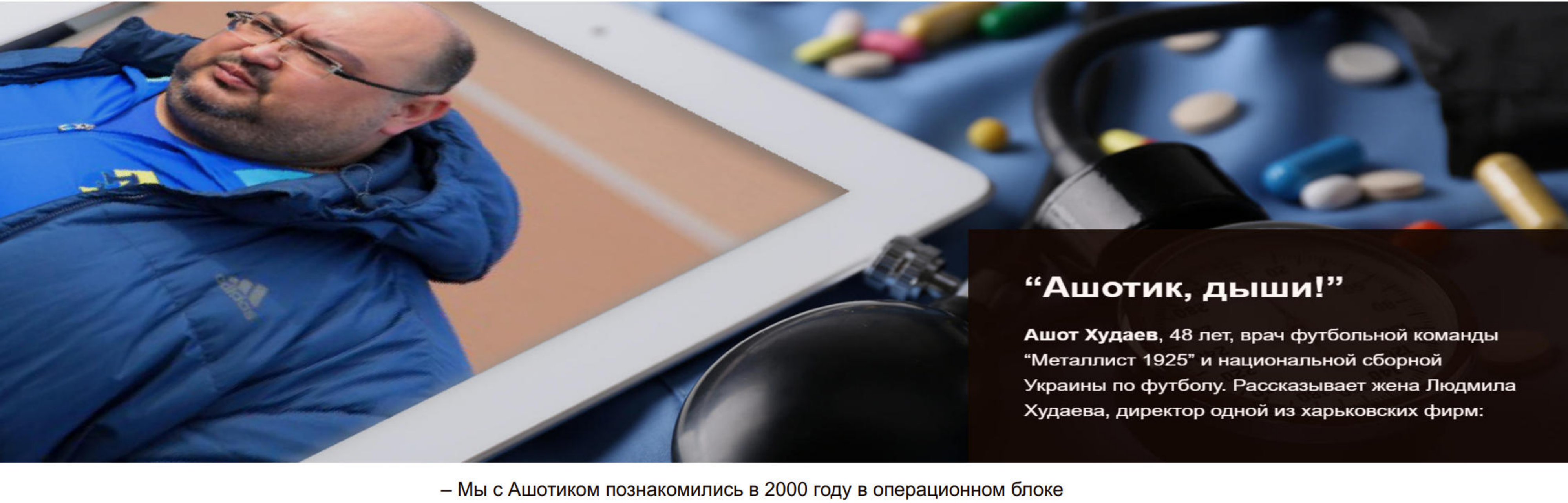

“Ашотик, дыши!”

Ашот Худаев, 48 лет, врач футбольной команды “Металлист 1925” и национальной сборной Украины по футболу. Рассказывает жена Людмила Худаева, директор одной из харьковских фирм:

– Мы с Ашотиком познакомились в 2000 году в операционном блоке харьковской больницы скорой помощи №4. Я была медсестрой, он – ортопедом-травматологом отделения политравмы. Оба в масках, видны только глаза, но этого хватило.

Начали общаться. На дежурствах, когда была минутка, он вслух читал мне рассказы О’Генри и “Маленького принца” Сент-Экзюпери. У него была семья, я – в разводе и с ребенком. Он развелся, и в 2001 году мы стали жить вместе.

Мы были вместе 20 лет. Где бы ни был Ашотик – в командировках, на сборах – он каждый день писал мне в вайбере: “Люсечка, я тебя люблю”. Не приезжал домой без подарка. Ограждал от всех проблем. Говорил: “Люсечка, я тебе счет на телефоне пополнил”, “Люсечка, я тебе деньги в кошелек положил”, “Люсечка, что ты хочешь? Давай купим”. Моему сыну Саше, которого он воспитывал с семи лет, Ашотик был идеальным отцом.

Он был невероятно эрудированным, причем в разных областях. О чем бы я ни спросила – он все знал. Любил музыку, много читал. Все время покупал книги, а когда их стало слишком много в доме, купил “читалку”.

Все 20 лет нашей жизни у него были три работы – больница №4, футбольный клуб “Металлист” и национальная сборная Украины. Он был на связи 24/7 даже на отдыхе. Обычно в футбольной команде работают несколько врачей, у “Шахтера” вообще свой медицинский центр. Ашотик был единственным врачом “Металлиста”. Он лечил не только травмы, но и простуды, болезни желудка и все остальное.

У него были прекрасные отношения с ребятами из “Металлиста”. Как-то мы даже ездили на несколько недель в Бразилию к полузащитнику Эдмару Галовскому де Ласерда – он пригласил нас в дом к своим родителям.

“Без снимка легких домой не пущу”

Когда начался карантин, футбольные матчи и сборы отменили. Ашотик очень ждал их. Готовился к сборам – заказывал лекарства, проверял составы, чтобы не было проблем с антидопинговым комитетом, составлял меню для футболистов. Выходил из дома раз в неделю – сын отвозил его на дежурства в больницу. Остальную социальную жизнь мы отменили.

Сидя дома, мы провели почти всю весну и половину лета. 15 июля решили пойти на день рождения. Хорошо провели время в ресторане. 16-го утром у Ашотика начиналось суточное дежурство. Он проснулся, сел на кровати и закашлял. Я говорю: “Ашотик, любимый, ты не заболел?”. Он ответил: “Да нет, все в порядке”. Я еще подумала: на дне рождения мы танцевали, потом выходили на улицу. Было прохладно, он мог простудиться.

Днем позвонил с дежурства: “Как-то нехорошо себя чувствую. Была температура, я выпил нимесильчик”. Я попросила сделать снимок легких, он пытался возражать: “Что ты начинаешь, просто температура”. Я сказала: “Без снимка домой не пущу”. Утром он перезвонил, сказал, что сделал рентгеноскопию, в легких все чисто.

Ашотик пришел домой и плохо себя чувствовал. Померял температуру – 38. Он лег спать, а я уехала на работу. Приезжаю вечером – так и лежит. Я позвонила знакомой инфекционистке, она сказала: “Пока вы не сдали тест, давай лечить его по протоколу как для ковида”. Дала список лекарств, я купила. На следующий день Ашотик сделал тест, он оказался положительным.

Температура то поднималась, то падала. Мы обсуждали, ложиться в больницу или не надо. 19 июля у меня был день рождения. Ашотик проснулся и сказал: “Люсечка, любимая моя, поздравляю! Прости, что я заболел на твой праздник”. Я успокоила его: “Ашотик, родной, ну что ты говоришь? У нас будет еще много дней рождения”.

Утром 20 июля мы поехали в поликлинику. Врач принимал на втором этаже. Муж шел по ступенькам и начал задыхаться. Мы испугались.

Решили ложиться в больницу №17 – ее перепрофилировали под больных коронавирусом. Поговорили с врачом и поехали на компьютерную томографию (КТ) легких. Когда возвращались, на вайбер пришел результат – 70% поражения легких. Меня как огнем ошпарило. Я сказала: “Ашотик, любимый, все будет нормально”. Он засмеялся и ответил: “Люсечка, ну конечно, будет нормально. У меня далеко идущие планы”. Хотя он доктор и понимал, насколько все серьезно.

Мужа положили в реанимацию и подключили к аппарату CPAP – когда кислород подается через трубочку в нос. Доктор говорил, что состояние стабильно тяжелое. В тот же день у меня повысилась температура до 37,7, потом пропало обоняние.

✦ ✦ ✦

"Я на секунду отвлеклась. Когда повернулась – голова и плечи мужа были фиолетовыми. Я поняла, что это закупорка легочной артерии тромбами"

✦ ✦ ✦

22 июля я сделала тест – положительный. Сын был в шоке, не хотел отпускать меня в больницу. Наш доктор ему объяснил: “У папы молниеносная форма коронавируса. У мамы может быть так же”. 23-го, в день рождения сына, меня госпитализировали. Сделали КТ – легкие были поражены то ли на 5%, то ли на 15%.

Меня положили в одну палату с Ашотиком. Днем мы позвонили сыну по вайберу. Ашотик сказал: “Санечка, поздравляю! Вот выйдем из больницы - и я вам с мамой такой день рождения устрою!”.

Мы с Ашотиком лежали в одной палате. Я видела, что мужу тяжело дышать, да и мне становилось хуже. Бесконечные капельницы и уколы. Постоянно приходили врачи, обсуждали лечение, лекарства. В больнице были простые антибиотики и кроворазжижающие препараты, но мы понимали, что для эффективного лечения нужны другие лекарства.

Препараты стоили больше 10 000 грн в день на одного. Часть лекарств невозможно найти в Харькове, их везли из Киева. На лечение перечисляли деньги наши друзья, моя сестра Таня, бывший спортивный директор “Металлиста”.

“Мне даже некого обнять”

25-го врачи привезли к нам в палату новый аппарат для подачи кислорода, чтобы дышать не через трубочку, а с кислородной маской. Они возились с аппаратом, я на секунду отвлеклась. Потом повернулась к мужу и увидела, что голова и плечи у него стали фиолетовые. Я нереально испугалась, подбежала к нему. Увидела, что он закусил трубочку для подачи кислорода, и поняла, что это ТЭЛА – закупорка легочной артерии тромбами. Начала кричать: “Ашотик, дыши!”. Доктора сказали, чтобы я бежала в коридор и кричала: “Реанимация!”.

Я так и сделала. Тут же прибежала реанимационная бригада. Через окно в коридоре я увидела, что приехали мой сын и сестра Таня. Они привезли профессора из 22-й инфекционки к нам на консультацию. Я открыла окошко и сказала: “У Ашотика реанимация”.

Не знаю, сколько это длилось, но долго. Потом вышли врачи: “Извините. Мы делали все, что могли. Примите наши соболезнования”. Дальше все было, как не со мной.

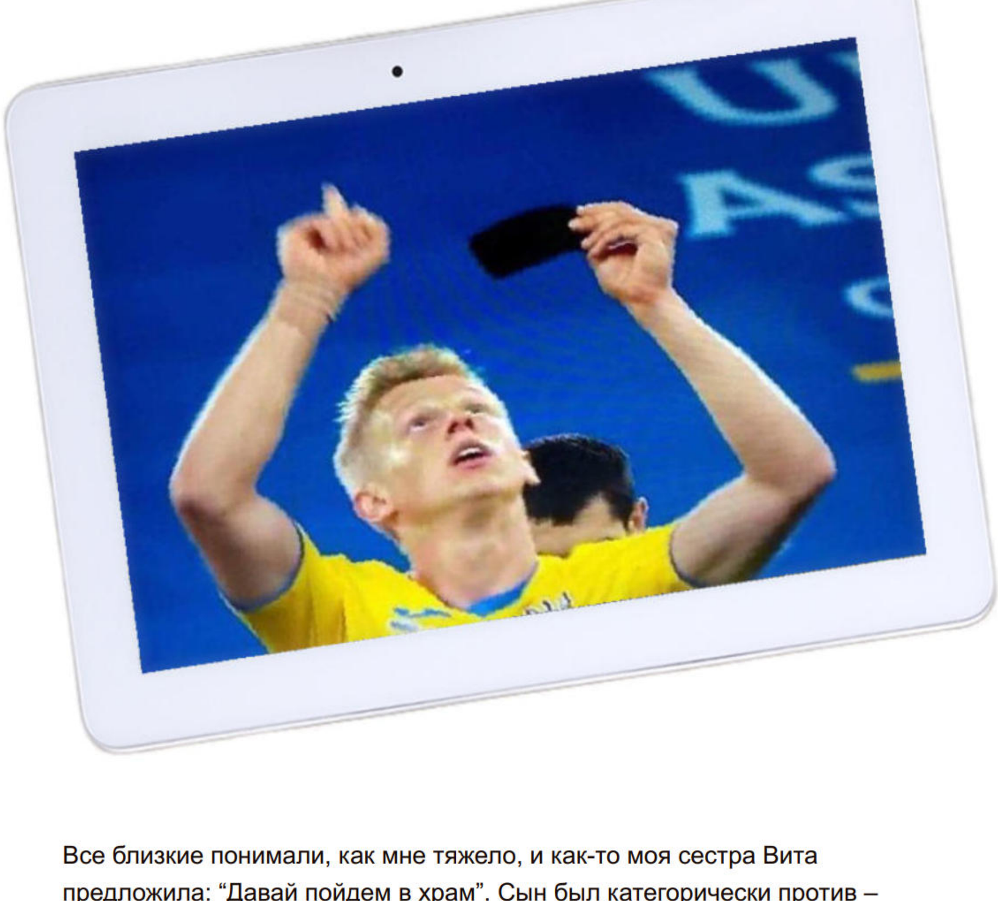
Меня перевели в другую палату в реанимации. На фоне стресса состояние ухудшилось, и мне подключили кислород. Два или три дня я плохо помню. Потом нужно было хоронить мужа, а я в больнице. Спасибо доктору, что разрешил пойти к моргу попрощаться. Сын шел впереди на расстоянии, я чуть дальше в маске и перчатках. Простилась у закрытого гроба. Не помню, как шла обратно.

Через несколько дней мне сделали повторный тест – снова положительный. На девятый день меня не выписали. Я лежала в больнице 20 дней. Это было ужасно – у меня муж умер, я в палате, мне даже некого обнять. Все время один на один с этими мыслями. Без поддержки сына и его девушки, сестры, друзей не знаю, как бы я выжила.

“Ашотик с нами, он все видит”

В августе были сборы национальной сборной, которых так ждал Ашотик. Они проходили в гольф-клубе в Харькове. Моему сыну Саше позвонили из руководства сборной и сказали, что хотят поехать на могилу к Ашотику. Были Андрей Шевченко, Александр Шовковский и еще три человека. Саша потом сказал: “Мама, это было так искренне. Нашего Ашотика очень уважали”.

В сентябре наша сборная играла в Швейцарии. Вся команда была в черных повязках, перед матчем объявили минуту молчания и вывели на экраны фото Ашотика. Потом Саша Зинченко забил гол, снял повязку, поднял руки к небу и посвятил гол Ашотику. Мне сразу начали писать ребята из Израиля, болельщики: “Люсечка, Ашотик с нами! Он все видит”.

Все близкие понимали, как мне тяжело, и как-то моя сестра Вита предложила: “Давай пойдем в храм”. Сын был категорически против – там много людей, у меня ослаблен иммунитет. Сестра договорилась со священником, и мы пришли вечером, когда никого нет. Священник провел службу, а потом пригласил нас в дом.

Мы долго разговаривали, пили чай. Я сказала: “Мы с Ашотиком собирались обвенчаться и не успели. Но считается, что после смерти вместе в раю будут только души тех, кто венчан”. Священник ответил: “Вы искренне любили друг друга? Что у вас сейчас болит? Душа? Значит, она существует. Вы разговариваете с Ашотиком, любите его, и вам от этого легче. Раз ваша любовь искренняя, значит, и ваши души будут вместе после смерти”. Мне стало легче после этого разговора.

У нас было так много планов – переехать в новую квартиру до 2021 года, завести собаку, путешествовать. Ашотик мечтал, чтобы наша сборная выиграла Чемпионат Европы. Сейчас я не могу понять, как это – его нет, и все это не сбудется? Все 20 лет с моим Ашотиком – годы счастья, любви, заботы и поддержки. Я всегда буду это помнить и любить его.